

Московские
новости. с. ч.

С тех пор как Солженицын после двадцатилетнего изгнания вернулся на родину, минуло три года. Срок достаточный, чтобы вникнуть и в факт, и в итог возвращения. Впрочем, когда речь заходит о писателе такого масштаба и личности такого уровня (еще в 1974 году Лидия Чуковская назвала Солженицына «человеком-легендой»), каждая из его творческих дат, круглая и некруглая, выглядит весьма убедительно.

Исполнилось тридцать лет с того дня (16 мая 1967 г.), когда автор «лагерной повести», протестуя против цензурного произвола и не имея доступа к высоким общественным трибунам, обратился к IV съезду Союза советских писателей, в том числе и с такими словами: «Литература, которая не есть воздух современного ей общества, которая не смеет передать обществу свою боль и тревогу, в нужную пору предупредить о грозящих нравственных и социальных опасностях, не заслуживает даже названия литературы, а всего лишь – косметики».

Исполнилось двадцать пять лет знаменитой Нобелевской лекции; и в этой лекции, по традиции предполагавшей обнародовать взгляды лауреата на природу искусства, он предал широчайшей международной гласности свое понимание писательского долга. «Однажды взывши за слово, – писал Нобелевский лауреат, – уже потом никогда не уклониться: писатель не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, он – совиновник во всем зле, совершенном у него на родине или его народом».

Исполнилось двадцать три года знаменитому солженицынскому призыру «Жить не по лжи!» и пятнадцать лет полемической работе «Наши плюралисты» – столь же дерзновенной, скользкой и горькой. Семь лет назад в СССР была опубликована брошюра «Как нам обстроить Россию?» и три года назад, накануне отъезда из Вермонта, – статья «Русский вопрос к концу ХХ века». Вместе с «Одним днем...», «Архипелагом» и «Красным колесом» прямое слово Солженицына и само его существование в стране и мире неизменно изменили реальность, повернули время и создали новые координаты общественного бытия.

Теперь, оглядываясь на творческий путь Солженицына, нельзя не увидеть одну и ту же тенденцию противостояния первого русского писателя и современного ему общества. В каждый данный отрезок времени это общество – его верхний культурный слой – с азартной готовностью обнаруживает свой основной революционный инстинкт, властно требующий сокрушить мировой авторитет писателя, принизить его уникальное влияние. То обстоятельство, что нигде в мире так не работает евангельское положение о пророках в своем отечестве, как у нас, многократно усиливается каким-то мистически-заповедным раздражением – Солженицыну не могут простить ни его бескомпромиссного однокого подвига (разоблачительно высветившего общественный конформизм советской элиты), ни исторической правоты автора «Архипелага». Нехотя, вскользь упоминая об этом, «общественное мнение» (в пушкинские времена более известное под словом «чёрнь») торопится убедить мир, что сегодняшний Солженицын – сосуд пустой, кумир поверженный.

Только в те несколько лет, когда по всей советской литературе был взбуржен взрывной силой «Ивана Денисовича», в то самое время «нерасчененных понятий», и казалось безоговорочным сочувствие нему культурного круга. Тогда еще не было понятно, что поддержка его «всем передовым обществом» есть явление временное, недоразуменное. Недоразумение, однако, рассеялось: уже в начале восьмидесятых автор «Архипелага» запечатлел неоспоримое: «Сколько лет в бессильном кипении советская образованница шептала друг другу свои изврительности против режима. Кто бы тогда предсказал, что писателя, который первый и прямо под пастью все это громко вызвезит режиму в лоб, эта образованница возненавидит лютее, чем сам режим?»

Кто мог предвидеть три года назад,

Александр Солженицын: тридцать лет и три года

Найдем ли мы дерзость заявить, что не ответчики мы за язвы сегодняшнего мира?

А.И. Солженицын. Нобелевская лекция.

перед возвращением изгнанника на родину, что не пройдет и недели, как та же самая образованница с удовольствием примется за грязную работу и начнет снова гнушать его, а позже и вовсе отнимет телевизор? Никто, только он сам: слишком далеко видел и слишком хорошо чувствовал «и гад морских подводный ход, и дальний лозы прозабыть». А потому и сказал еще там, на Западе, за считанные дни до вылета: «Я очень допускаю, что буду нежелательной персоной и меня будут лишать свободы слова. И я на это иду».

Между тем никто из тех передовиков общественного прогресса, кто нетерпеливо требовал снятия солженицынских программ с телевидения за их якобы скучу и непопулярность, даже и глазом не моргнул, когда была публично названа истинная причина акции: «в ситуации предвыборной кампании мы не могли пойти на то, чтобы предоставить телевизионную трибуну человеку, выступающему с таких позиций, даже если он Солженицын» (недавнее интервью с Сергеем Благоволиным в «Новой газете»). «Стыжусь до сих пор того, как похамски в октябре 1995 года был снят с эфира Солженицын», – добавил ответственный телевизионщик, оставшись по части стыда одиночным исключением.

Всякое общество характеризуется своим отношением к фундаментальным ценностям и своей способностью вовремя, а не задним числом, признать их таковыми. Отношение к Солженицыну как прежде, так и сейчас – не вопрос эстетических предпочтений в литературе или направления в политике, а показатель нравственного состояния общества, тест на его умственную

состоятельность, знак качества.

В этом смысле сегодняшнему «культурному кругу» особенно хвататься нечем. «Каждого поэта, – с грустью писал Солженицын, – и не один раз в жизни, должно достичь ослиное копыто». Как и «те еще годы», когда инициаторами травли писателя были гэбэшные разработчики и оперативники, ляпавшие на него то расовый, то классовый, то бытовой компромат по-советски (попеременно: фашист, помешаник, дезертир, еврей, полицай, проявивший Западу иуда), так и сейчас постсоветская «дворняжная печать» (выразительнейшее определение Солженицына восьмидесятых годов ничуть не устарело) вырывает друг у друга куски полакомееч, что-нибудь эдакое – с гнильцой и тленом. В академики-то его избрали, но шумиха вокруг его имени вздымается отнюдь не академическая.

Дав только откуда же теперь в свободной печати, охотно дающей под обличения Солженицына квадратные метры своих площадей, берутся эти лакомки, с ослиным копытом (не говоря уже о сортирующей сатире, захватившей самые престижные концертные залы)? И какие преследуют цели, пиная-распиная писателя, причем пребываая в комфортной уверенности, что нет таких чинов и таких общественных авторитетов, кто бы мог одернуть пакостников и поставить на место?

Или вот «братья по перу и по труду», как их вслед за секретарем СП

на том знаменитом – 1967 году – секретариате окрестил Солженицын («эти братья по перу и по труду уже два с половиной года спокойно взирают на то, как меня притесняют, преследуют, клевещут на меня»). Нынешние «братья» не то что взирают – сами норовят укусить побольнее. Есть для этих целей и специальный прием.

Ах, как хочется, состроив скорбную мину, посетовать, что нет больше прежнего Солженицына, титана и борца, антикоммуниста и кумира интеллигенции. Нет великого диссиденты, бунтаря, но одновременно же и демократа (знаменательно, что, отнимая у Солженицына звание демократа, именно его оппоненты ехидно посмеиваются, когда писатель говорит о земстве и народном самоуправлении).

Правда, но и от самой паскучной клеветы. И вот усердствуют пасквилянты, не пропускают и самой малости в надежде прогреметь: «Вы слышали, как такой-то наехал на Солженицына?» Тут тебе и слава, тут и успех. Тут, видимо, и заработка.

Правда же, непереносимая для многих ревнивых и завистливых «собратьев», заключается как раз в том, что Солженицын, привезя в Россию двадцать четыре тома своих сочинений, устроился в стране не памятником самому себе, а живым и работающим литератором. За три года он побывал с выступлениями в 26 областях России, написал и опубликовал, помимо больших публицистических работ, семь двучастных рассказов и серию «Крохоток» – стихотворения в прозе. «Только вернувшись в Россию, я оказался способен снова их писать, там не мог», – признался писатель. «Кто хочет увидеть единным взором, в один окоем, напу недотопленную Россию – не упустите посмотреть на калмыцкую колокольню. Она стояла при соборе, в гуще изобильного торгового города, близ Гостиного двора, и на площадь к ней спускались улицы двухэтажных купеческих особняков. И никакой же провидец не предсказал тогда, что древний этот город, переживший разорения жестокие и от татар, и от поляков, на своем восьмом веку будет невежественной волей властителей затоплен на две трети в Волге... Но осталась из утопленного города высокостойная колокольня... Как наша надежда. Как наша молитва: нет, всю Россию до конца не попустит Господь утопить...»

Об этом сказано – «бесконечно эстетически устарело»? Правда открывается также и в том, что всего год назад впервые в России и вместе со всеми приложениями увидели свет мемуары «Бодался теленок с дубом» (приверженцам коммерческого направления в книгоиздательском деле любопытно будет узнать, что первый тираж мемуаров разошелся мгновенно, хотя московский читатель давно знаком с ними). И что сейчас, буквально в данный момент, Солженицын работает над последней редакцией «Очерков изгнания» («Угодило зернышко промеж двух жерновов») и, приняв решение осмысливать личные впечатления от страны и людей, начал новую книгу мемуаров «Очерки возвратных лет», которые, совершенно очевидно, станут мировым литературно-художественным событием. Но эту правду «братья по перу и по труду» привычно стараются замолчать.

Отрадна и редкостна по нынешним временам еще одна правда: у самого Солженицына и в помине нет этой раздраженной ревности, этой изнурительной зависти к чужому таланту – напротив: всегда жива была жажда чужой талант все народно называть и поддерживать. Меня неизменно поражает его письмо в Шведскую Королевскую Академию, написанное еще из СССР в апреле 1972 года, сразу после того, как стало ясно, что вручение присужденной Нобелевской премии на территории страны проживания не состоится ни в какой форме. И вот он просит Нобелевский комитет «не поддаться рутины очередности» и рассмотреть

кандидатуру Владимира Набокова: «Это писатель ослепительного литературного дарования, именно такого, какое мы зовем гениальностью. Он достиг вершин в тончайших психологических наблюдениях, в изощренной игре языка (двух выдающихся языков мира!), в блестательной композиции. Он совершил своеобразен, узнается с одного абзаца – признак истинной яркости, неповторимости таланта. В развитой литературе XX века он занимает особое, высокое и несравнимое положение».

Это, что ли, называется ретроградством, мракобесием, эстетическим юродством? Но ведь и сегодня, публикующи очерки из «Литературной коллекции» – уже напечатаны заметки о Пильяяке и Тынянове, а впереди ожидают о Пантелеимоне Романове, Замятине, Шмелеве, Марке Алданове, Глебе Успенском, Андрее Белом, – Солженицын выступает и как читатель высокой пробы (ныне обязательный репертуар чтения составляют основные «толстые» журналы и любимый Карамзин), и как мастер-художник. «Каждый такой очерк, – пишет он о «Коллекции», – это моя попытка войти в душевное соприкосновение с избранным автором, попытаться проникнуть в его замысел, как если бы тот предстоял мне самому, и в мысленной беседе с ним угадать, что он мог ощущать в работе, и оценить, насколько он эту задачу выполнил».

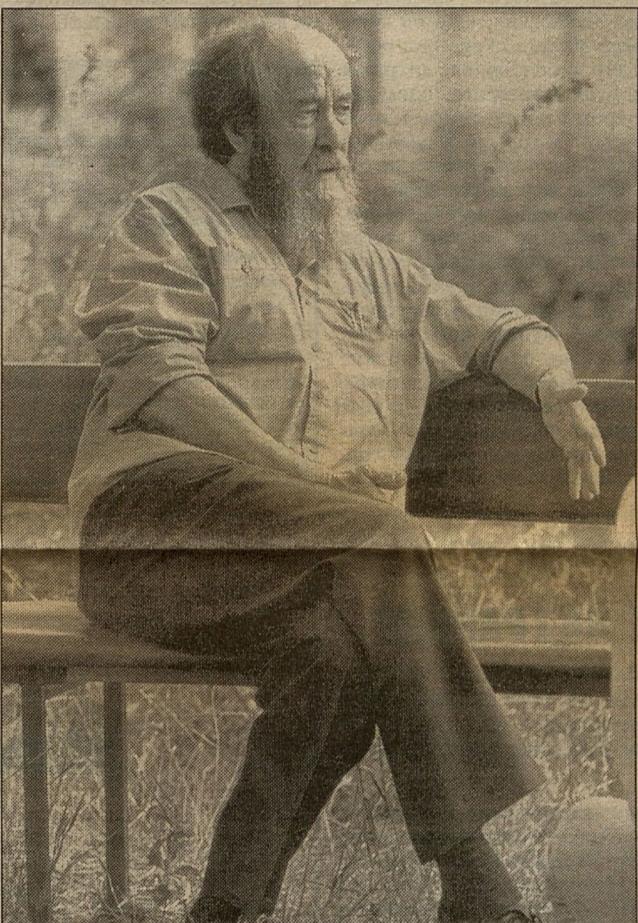
Это считается культом личности? Много ли нынче сыщется авторов, которым есть дело не только до самих себя и кто ищет душевных соприкосновений с кем бы то ни было? А ведь Солженицын еще и лично встречается с огромным количеством людей из Москвы и провинции – литераторами, учителями, членами общественных движений, принимая их или дома, в Троице-Лыково, или в своем литературном представительстве (в той самой квартире в Козицком переулке, откуда в феврале 1974 года он был увезен в Лефортовскую тюрьму) и отдавая этим встречам целые дни по нескольку раз в месяц.

Ныне – кто бы мог надеяться на это еще десять лет назад! – произведение Солженицына вернулись в Россию в полном объеме. Но при всем видимом писательском благополучии автора дистанция между ним и русским читателем сохраняется – и это тоже одна из правд. «Красное колесо» – художественное исследование двух революций, многотрудное послушание изгнаниника, давшее смысл всем его предшествующим литературным усилиям и запечатлевшее поворотный момент в истории человечества, – застягло в российском бездорье, да так, что провинция присе нищих и разоренных библиотек солженицинских книг и в глаза не видела. Лишь сплыла от столичных снобов (разумеется, даже не прикоснувшихся к десяти томам из 440 печатных листов), что «кирпичи» тяжелые и чтению не подлежат. Значит, сейчас еще не время. Значит, надо терпеливо ждать, пока дойдет до всякого читающего человека вся правда об огненном катке русских революций и вся история бесприемного подвига писателя, счастливо вырвавшего эту правду из пасти дракона. Россия без нее не обойдется.

Двадцать пять лет назад Солженицын имел вынужденный повод сказать: «Писатель, думающий иначе, чем большинство его общества, составляет богатство этого общества, а не позор и порок его». В те же семидесятые говорил о судьбе Солженицына Юрий Трифонов: «Он возвратится сюда и начнет устраивать русскую жизнь. С малого начнет, и над ним будут подсмеиваться дураки. Как с малого он начал поход против системы, а кончил полной победой над ней. Мы еще просто об этом не знаем. Он гений. Что надо понять и принять. Кое-кому трудно признать превосходство. Да и как признать, когда на шее медальки болтаются. Рядом с гением иным жить неудобно. А мне удобно!»

Но ведь и написал Солженицын, что через души, мужественные и прямые, перестраивает Бог наши несчастливые и безрассудные общества.

Людмила САРАСКИНА

Александр Солженицын